

И. В. Говоров

Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области)

Коррупция — явление сложное и многоуровневое, а коррупция в советскую эпоху — еще и малоизученное. В частности, проблема коррупции при сталинизме косвенно затрагивается в работах лишь некоторых ученых (П. Соломон, Ш. Фицпатрик, Е. Осокина, Е. Твердюкова, Е. Зубкова). Предметно этот вопрос (относительно периода позднего сталинизма) рассматривает в своих трудах, пожалуй, только Дж. Хайнцен. Этим же проблемам посвящены и некоторые публикации автора данной статьи¹.

Говоря о коррупции в сталинский период, прежде всего необходимо выяснить, что понимать под этим термином. Довольно часто под ним (особенно в публицистической литературе) понимается исключительно взяточничество, что на наш взгляд не совсем справедливо. По мнению автора, наиболее полно сущность явления коррупции отражает следующее определение, предложенное отечественными криминологами — «использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ, как в личных, так и групповых интересах».² То есть под коррупцией следует понимать любое использование государственными служащими своего положения и полномочий для получения благ в личных и корпоративных целях. Говоря об основных формах коррупции при сталинизме, можно согласиться с мнением Дж. Хайнцена, что к ним относятся перепродажа чиновниками государственной собственности, присвоение ими денежных средств, вымогательство взяток, торговля льготами, должностями и влиянием, использование как в целях выполнения экономических задач, так и в своих интересах системы неофициальных связей и служебного

**Говоров Игорь
Васильевич,**
доктор
исторических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский
университет
МВД России.
igogovoro@yandex.ru

покровительства³. Хотелось бы лишь отметить, что, по нашему мнению, масштаб коррупции эти явления приобретают, когда превращаются из единичных в массовые явления, и приобретают системный характер. Именно анализу их уровня массовости и системности в послевоенное десятилетие и посвящена предлагаемая вашему вниманию статья.

Анализ ленинградских архивов послевоенного периода позволяет утверждать, что наиболее массовой формой коррупции в 1945–1953 гг. являлось так называемое «самоснабжение», то есть получение дополнительных льгот и привилегий, не положенных данному представителю «номенклатуры» по статусу. На большинстве предприятий и учреждений это превратилось практически в повседневное явление. Объективная проверка любого учреждения выявляла массовые факты злоупотреблений со стороны представителей его руководства. Вот что, например, показали результаты ревизий предприятий по торфодобыче Ленинградской области в 1946 г. В условиях, когда работники предприятий страдали от отсутствия нормальных социально-бытовых условий, низкой зарплаты и плохой еды, их директора в полной мере использовали возможности своего служебного положения. Так, на торфопредприятии, расположенном в Шувалово, в течение января–июня 1946 г. на банкеты, угощения проверяющих, самоснабжение было разбазарено 778,5 кг хлеба, 336,2 кг крупы, 55,9 кг сахара, 29,4 кг мяса, которые были списаны, как выделенные на дополнительное питание рабочим. На эти же цели было израсходовано 135 л водки, предназначенной для поддержки грузчиков торфа во время сильных морозов (100 г. на человека в сутки). Директор торфопредприятия Махов и главный инженер Аганин выкупили из подсобного хозяйства две коровы по цене в 10 раз ниже балансовой. По таким же ценам коровы были проданы председателю обкома союза торфяников, начальнику транспортного отдела треста «Торфснаб» и т. д. В качестве главного экономиста на предприятии Махов оформил свою жену, которая жила в Ленинграде. Она не приезжала даже за зарплатой (деньги и карточки ей перевозили в Ленинград). Трех человек, оформленных как рабочие на предприятии, Махов использовал в качестве домашней прислуги. Махов дошел до того, что продавал молоко от своей коровы рабочим по 18 руб. за литр.

На Ириниевском районном торфопредприятии в феврале 1946 г. из подсобного хозяйства было выделено 120 кг мяса для раздачи рабочим. Практически все оно было распределено среди руководителей предприятия. В мае дополнительно поступило 504 кг мяса. Из него на улучшение питания рабочих было использовано 29,1 кг. Руководящим работникам было выдано 139 кг, а куда ушло остальное мясо, ревизоры установить так и не смогли. Из полученных предприятием в январе–мае из подсобного хозяйства 4 тыс. л молока рабочие получили 1700 л, а остальное разошлось в узком кругу лиц из руководящего состава (директор подсобного хозяйства предприятия Буженко получил 263 л молока, директор предприятия Митрофанов (имеющий свою корову) — 161 л, бухгалтер Шарымов 115 л, заведующий продбазой — 107 л, начальник милиции — 66 л и т. д).

На торфопредприятии «Назия» за 5 месяцев 1946 г. незаконно было израсходовано 313 кг хлеба, 250 кг крупы, 57 кг сахара. Для их списания были оформлены фиктивные счета на обслуживание в столовой рабочих во внеурочное время на сумму 12,8 тыс. руб. Кроме того, по указаниям директора предприятия Кичигина из фонда рабочего снабжения различного уровня чиновникам было бесплатно роздано 25,5 м драпа, 27 м бостона, 8 м шелка, 21 м шерсти, 3 пары дамской обуви⁴. Виновные в данных злоупотреблениях хозяйственники понесли партийные и служебные взыскания, однако положения в системе торфодобычи это ничуть не изменило. В 1949 г. секретарь парторганизации торфопредприятия «Дунай» (Всевожский район) Грязнов информировал обком о том, что руководители треста «Ленгосторф» культивируют злоупотребления на службе в виде вымогательства за различные услуги в получении разных материалов⁵.

Еще хуже дело обстояло в деревне. Многие председатели колхозов и директора совхозов чувствовали себя в своих хозяйствах настоящими «удельными князьками», неподконтрольными и неподотчетными никому. Судя по материалам областной прокуратуры, во многих колхозах области сложилась ситуация, когда «колхозники считают председателя колхоза полным хозяином колхоза, распоряжения которого безусловно должны выполняться, хотя эти распоряжения явно нарушают правила Устава сельхозартелей»⁶. Только в Капшинском районе Ленинградской области в течение 1949 г. представителями сельхозактива (председателями и членами правления колхозов, секретарями и депутатами сельсоветов) было похищено 507 кг зерна, 10,5 кг масла, 87 кг мяса, 27 пудов сена, 4 тыс. руб., принадлежащих колхозам. В частности, председатель колхоза «имени Ильича» (Киришский район) самовольно продал с колхозной фермы 3 коровы, 6 голов поросят, 3 поросенка взял в личное пользование, по личному усмотрению расходовал средства из колхозной кассы. В Парголовоком районе председатель колхоза им. Молотова Гурылеев в течение 1949–1950 гг. присвоил колхозных денег и продуктов на сумму 7,5 тыс. руб. Председатель колхоза «Красная Новь» Беляков разбазарил семенное зерно на сумму 5,5 тыс. руб. и т. д.⁷

Именно в форме «самоснабжения» происходил и процесс по формулировкам тех лет «сращивания партийных и хозяйственных кадров», под которым руководство страны понимало ситуацию, когда региональная партийно-советская номенклатура действует не в интересах государства (а на практике — интересах центра), а в интересах местных хозяйственников. Это явление с точки зрения Политбюро создавало угрозу действующей системе власти и вызывало серьезную тревогу И. В. Сталина и его окружения⁸. Действительно, партийные и советские чиновники, особенно районного уровня, охотно шли на контакт с представителями хозяйственных органов, получая от них бесплатно или за символическую цену продукты и дефицитные товары, стройматериалы, транспорт и рабочую силу. Например, в Новолодожском районе Ленинградской области секретарь райкома Бойцов, председатель райисполкома Михайлов, работники районного земельного отдела (заведующий, старший агроном, старший землемер, ветврач, зоотехник) бесплатно приобрели в колхозах коров. Когда данным фактом заинтересовалась

прокуратура, они задним числом оформили покупку коров по заниженным ценам на основании фиктивных протоколов решений общих собраний колхозников⁹. Из выделенных в 1947 г. в Ордежский район для распределения в колхозы 85 свиней ни одна туда так и не попала. Всех свиней «разобрали» районные чиновники¹⁰. Примеру своих подчиненных следовали и сотрудники обкома, горкома, гор- и облисполкомов, руководители муниципальных учреждений. Так, инструктор Ленинградского горкома ВКП(б) Ведеркин в 1944 г. получил новую квартиру, сфабриковав липовую справку о том, что его прежняя квартира разрушена. В результате он в течение нескольких лет обладал двумя квартирами (2 и 4 комнаты). Семье же, которой ранее принадлежала полученная Ведеркиным квартира (вдове фронтовика, ее больной матери и ребенка), была предоставлена по возвращении из эвакуации замена — комната в коммуналке (бывшая кухня)¹¹.

Заведующая городским отделом социального обеспечения Е. Никитина в 1942–1948 гг. систематически санкционировала использование тканей, предназначенных на одежду для инвалидов, для пошива костюмов и брюк сотрудникам отдела (только за 1947 г. на пошив костюмов работникам отдела соцобеспечения ушло 69 м шерстяной ткани, 22 м сукна, 70 м бостона, 3 м габардина, 18 м кашемира и т. д.). Из денег, предназначенных на оказание материальной помощи инвалидам войны, выплачивались пособия работникам отдела и подведомственных учреждений. За 1947 г. сумма таких пособий составила 5,3 тыс. руб. Кроме того, путевки, предназначенные инвалидам войны, также распределялись среди сотрудников отдела (в 1947 г. — 10 путевок на 10,5 тыс. руб.). На средства, предназначенные для инвалидов, выкупались промтовары для сотрудников (например, тысяча кусков хозяйственного мыла)¹². За подобные «достижения» в 1948 г. Никитина была переведена с понижением на должность заместителя заведующего ломбардом. Однако и здесь она была уличена в крупномасштабных хищениях и злоупотреблениях¹³.

Начальник сектора капитального строительства Ленплана (и секретарь партийной организации) А. Дунаева в 1945–1947 гг. построила в поселке Парголово дачу на участке в 3400 кв. м. Строительные материалы она получила в государственных учреждениях как индивидуальный застройщик, не имеющий жилья (и это несмотря на имеющуюся трехкомнатную квартиру на Суворовском проспекте). Доставка стройматериалов осуществлялась на автомобилях автопарка, директором которого являлся ее муж Зингер¹⁴. Такие же комбинации для постройки собственных дач провернули помощники заместителей председателя исполнительного комитета Ленинградского городского совета Колчин и Комаров. Начальник группы контроля при председателе Ленгорисполкома С. Михайлов (он же секретарь парторганизации исполкома) в 1948 г. незаконно получил квартиру, четырежды «как нуждающийся гражданин» получал пособия и т. д.¹⁵

Массовые и повседневные злоупотребления, о которых неоднократно писала и ленинградская пресса¹⁶, способствовали распространению и других форм коррупции, в частности, взяточничества, получившего наибольший размах в хозяйственной сфере. Здесь взятка

зачастую выполняла роль своеобразного экономического регулятора, позволяющего обойти бюрократические препоны. Вот как описывал сложившуюся к началу 1950-х гг. систему взяток словами героя одного из своих очерков журналист Валентин Овечкин: «...как едем на какой-либо склад, так везем в машине мешок яблок, либо пару гусей... Брели вагоны на железной дороге, картошку в Таганрог возили — и там не обошлось без подмазки»¹⁷. Атмосфера повсеместных злоупотреблений и мелких поборов создавала ситуацию, когда начался процесс, как писала специалист по экономическим уголовным делам, адвокат Э. Эвельсон, сращивания мелкого кустарно-фабричного производства с интересами государственных и плановых организаций¹⁸. Результатом стало принципиально новое явление — превращение многих предприятий торговли, снабжения и производства товаров широкого потребления в своего рода «вещи в себе» — своеобразные теневые коррупционные системы, которые, формально оставаясь государственными и общественными учреждениями, фактически служили удовлетворению частных интересов их руководителей и сотрудников. Типичной теневой системой такого рода являлась, например, артель швейной кооперации «Возрождение», все руководство которой было осуждено в 1953 г. Практически все цеха артели занимались различного рода махинациями — производством левой продукции, фабрикацией фиктивных счетов за оплату якобы купленного сырья, начислением зарплаты «мертвым душам». Возглавлял данное «предприятие» технический руководитель артели А. Махлин-Табориский, который контролировал поставки сырья, назначение на ключевые должности в артели «своих людей» и получал с начальников цехов «абиссинский налог» — регулярные взятки за «покровительство»¹⁹. Подобные системы не замыкались на уровне отдельных предприятий. По тем же самым принципам в середине 40-х — начале 50-х гг. функционировало большинство торгов и объединений артелей производственной, потребительской кооперации и кооперации инвалидов районного уровня. Так, в ленинградском тресте столовых в 1945–1946 гг. процветала пирамида повсеместных поборов, на вершине которой стоял директор треста Леговой. Во всех столовых, ларьках, чайных треста господствовала практика обвеса и обсчета потребителей. Только в феврале 1946 г. в тресте было расхищено продуктов на 18 тыс. руб., в июне — на 50 тыс. Леговой напрямую покровительствовал проворовавшимся подчиненным. Директора столовых, уличенные торговой инспекцией в злоупотреблениях и снятые по ее указанию с работы, тут же получали новые должности. Работники, выступившие против хищений, изгонялись из треста, а прикрытие от излишней активности правоохранительных органов Леговому обеспечивало покровительство «друзей» из райкома партии²⁰.

Точно такая же ситуация сложилась и в районах области. Например, в ходе расследования пожара в здании Сосновского райпотребсоюза в 1949 г. органы милиции установили, что имел место поджог с целью уничтожения бухгалтерских документов, сокрытия информации о хищениях. Дальнейшее следствие о деятельности райпотребсоюза выявило массовые хищения, в которые было вовлечено все руководство районной потребкооперации. В декабре 1949 — январе

1950 г. было возбуждено 19 уголовных дел по фактам хищений и обмана покупателей, по которым проходили директора 6 кооперативных магазинов, заместитель председателя и заготовитель сельпо, двое заведующих складами и т. д. Большинство из арестованных имели разветвленные криминальные связи и полукриминальное прошлое. По далеко не полным подсчетам Отдела борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (далее — ОБХСС), в райпотребсоюзе было расхищено свыше 300 тыс. руб. И это далеко не точные цифры, так как из бухгалтерии пропали практически все документы о товарно-денежных операциях по магазинам и буфетам за декабрь 1946 — январь 1947 г.²¹

Как видно из приведенных примеров, успешная деятельность подобных систем была возможна при двух условиях. Во-первых, это вовлеченность в нелегальные способы обогащения практически всего работающего коллектива, что вводило в действие принцип круговой поруки. Лица, не желающие участвовать в «общем деле», изгонялись с работы под различными предлогами. В ленинградских газетах неоднократно появлялись заметки о судьбе продавцов, отказывавшихся заниматься обманом покупателей и изгонявшихся их руководителями с работы по сфабрикованным обвинениям²². С работы «выдавливались» не только рядовые работники, но и руководящие, в том числе и представители партийных органов. Так, по сведениям обкома партии, более трех месяцев не могла приступить к своим обязанностям избранная по рекомендации Парголовского райкома ВКП(б) секретарь партийной организации районной утильартели. Председатель артели Павлов, не желая пускать в свою вотчину «чужака», при полной поддержке областного Утильсоюза просто не допускал ее к работе. Секретарь парторганизации другой артели «Фанердревтруд», слишком активно выступавшая против злоупотреблений ее руководителей, не без их помощи была забаллотирована на выборах. Секретарь парторганизации Парголовской артели «Кожгалантерейщик» был уволен по сокращению штатов, так как (что признавало в частных разговорах руководство артели) «стал слишком много знать»²³.

С другой стороны, на работу в артели и магазины, в том числе и на руководящие должности, охотно назначались лица, хотя и с богатым опытом работы, но и с не менее богатым криминальным прошлым. По сведениям органов милиции, в начале 50-х гг. судимость имели 69 заведующих ленинградскими магазинами и их заместителей. Например, директор магазина № 33 Ждановского райпищеторга Н. Берман в 1947 г. был осужден за растрату, директор магазина № 23 Сестрорецкторга Л. Окно отсидел 5 лет за злоупотребления служебным положением, директор магазина № 8 Фрунзенского райпищеторга А. Симановский провел 4 года в местах заключения за хищение и т. д.²⁴ Данная практика имела давнюю историю. Еще в 30-е гг., ревизирующие органы отмечали «засоренность» товаропроизводящей и торговой сети уголовными элементами²⁵. Все попытки изменить ситуацию результата не давали. Для большинства руководителей торгов и артелей «понимающий», пусть и имеющий криминальное прошлое работник, был предпочтительней «честного идеалиста».

Вторым условием беспрепятственной работы теневых систем было наличие «покровителей» как в руководящих хозяйственных органах, так и партийно-советском аппарате. Подобные «покровители» позволяли решать сразу нескольких задач: беспрепятственное снабжение дефицитным сырьем и товарами, защита от пристального внимания контролирующих и правоохранительных органов и возможность расправиться с жалобщиками и собственными строптивыми подчиненными.

Письма простых граждан в партийные и советские инстанции, контрольно-ревизионные учреждения и средства массовой информации в 40–50-е гг. стали одной из форм давления общества на власть. Жалобы, изложенные в них, становились основанием для начала партийных и дисциплинарных расследований злоупотреблений ответственных работников. В. Козлов, исследовавший жалобы граждан в послевоенные годы, пришел к выводу, что значительные чистки имели место в тех случаях, когда злоупотребления, нарушающие общие правила поведения номенклатуры, были наиболее вопиющими, или когда массовый характер жалоб превышал «порог терпения» власти. Реакцией в таких случаях становились массовые исключения из партии, снятия с должностей, возбуждения уголовных дел и т. д.

Понимая опасность подобной угрозы, нечистоплотные начальники с помощью своих покровителей принимали все меры для того, чтобы «заставить замолчать» подобных недовольных. Граждане, направлявшие жалобы в горком, обком партии, другие властные органы должны были быть готовы к самым разным неприятностям. Вот две судьбы подобных жалобщиков-идеалистов. В мае 1947 г. работница совхоза «Пискаревка» Е. Федорова направила в комиссию госконтроля заявление о злоупотреблениях администрации совхоза. Она обвинила директора совхоза А. Команова, главного агронома и других ответственных работников совхоза в содержании в колхозном коровнике личного скота, использовании материалов для ремонта совхозных помещений для строительства своих домов, хищении кормов, молока, утаивании и присвоении части урожая, незаконном получении продовольственных карточек и т. д. Заявление было передано для проверки в прокуратуру, которая подтвердила правильность обвинений и вернула документы в госконтроль для проведения комплексной ревизии хозяйства. Однако, вместо этого, материалы стали ходить из одного контролирующего учреждения в другое, пока не оказались в архиве. Ни один из руководителей совхоза наказан не был. Единственной пострадавшей в этой ситуации стала сама Федорова. Директор совхоза с помощью «друзей» из райисполкома выселил ее из комнаты (решение народного суда о незаконности подобных действий было просто проигнорировано). Однако Федорова не успокоилась. В декабре 1947 г., когда Команова выдвинули кандидатом в депутаты Калининского райсовета, она направила заявление о новых злоупотреблениях директора в райком партии. Результат не заставил себя долго ждать. Жалобщицу вызвали в райотдел МВД и предупредили, что если она будет продолжать клеветать на честных коммунистов, ее арестуют за антисоветскую агитацию²⁶. Своего рода рекордсменом по числу неприятностей за принципиальность стал управляющий одним из домо-

хозяйств Смольнинского района Ленинграда М. Маков. В 1947 г. он написал заявление о фактах спекуляции жильем, которой занимались руководители районного жилищного управления. Результатом стало его увольнение. Маков не успокоился и продолжал свои попытки добиться правды. В ответ на его жалобы против Макова в 1948–1952 гг. не без помощи районного прокурора, покровительствовавшего жуликам, 32 раза возбуждали уголовные дела (все закрыты как сфальсифицированные), пытались объявить сумасшедшим. В 1953 г. главные «персонажи» заявлений были арестованы за крупное хищение, но несмотря на это, начальник Ленжилуправления Ломов отказался восстановить Макова на работе²⁷.

Характерно, что подобные действия хозяйственных руководителей провоцировали сами региональные партийно-советские органы, показывая пример своей реакцией на жалобы против своих сотрудников, в том числе и от представителей номенклатуры, стоящих на более низкой ступени иерархии. Характерным примером такой реакции стала судьба обращения секретаря первичной партийной организации узловой железнодорожной больницы Столбикова. В 1948 г. в больницу для проверки работы ее пищевого цеха прибыла комиссия во главе с сотрудником аппарата Ленинградского горисполкома М. Лебедевым, который сразу дал понять, что результат проверки зависит от размеров полученного им подношения. После отказа дирекции больницы удовлетворить требования проверяющего, в акте о проверке был сделан вывод о наличии в больнице значительных хищений и злоупотреблений. Прокуратура возбудила против двух ее сотрудников уголовное дело. Секретарь парткома, не согласившись с данным вердиктом, обратился в райком партии. Назначенная райкомом комиссия пришла к выводу, что предъявленные персоналу больницы обвинения не соответствуют действительности, и уголовное дело было закрыто. Однако, когда Столбиков направил докладную в горком с требованием наказать Лебедева, он сам стал объектом дисциплинарного расследования по обвинению «в попытке скомпрометировать представителя советской власти»²⁸.

С помощью высокопоставленных защитников коррупционерам удавалось избавляться не только от рядовых жалобщиков, но и чересчур «принципиальных» номенклатурных работников. В этом пришлось убедиться на своем «горьком» опыте М. Апаренкову, в сентябре 1951 г. по рекомендации райкома ВКП(б) назначенному директором Куйбышевского районного промышленного комбината Леноблпотребсоюза. Вскоре он выяснил, что в цехах комбината процветают хищения, производство левого товара. Нити преступных действий вели к техническому руководителю комбината. Апаренкова попытались подкупить, а когда это не удалось, устроили ему травлю. Руководство облпотребсоюза ежемесячно проводило проверки деятельности Апаренкова, обвиняло его во всех мыслимых грехах и в конце концов добилось его ухода с работы²⁹. Такая же ситуация произошла с демобилизованным из армии майором Семёновым, назначенным на должность заместителя директора Калининского райпищеторга по кадрам. Семёнов попытался бороться с процветающими в тресте хищениями, нарушениями правил торговли и взятками, которым покровительствовала директор торгова Мовсесянц. Семёнов неоднократно

обращался в райисполком, райком с докладными о фактах злоупотреблений, но все его заявления легли «под сукно». Только после обращения настойчивого майора в отдел торговли облисполкома последовала реакция. Против ряда проворовавшихся торговых работников были возбуждены уголовные дела, других уволили с работы. Директор торгового отдела отделалась выговором за «утерю бдительности». Вслед за этим на самого Семенова обрушился вал обвинений. Инструктор отдела торговли райкома ВКП(б) Бабинцев и заместитель председателя райисполкома Тимофеев потребовали от руководства городского Управления торговли снять его с работы. Лишь после вмешательства обкома ВКП(б) он был восстановлен в должности, а Мовсесянц и ее покровители лишились своих постов³⁰.

Все вышесказанное не означает, что правоохранительные органы никак не реагировали на сложившуюся ситуацию. Уже с 30-х гг. органы милиции и государственной безопасности создали систему эффективного наблюдения за ситуацией в стране и обладали достаточно полной информацией о происходящих коррупционных процессах³¹. Архивы Управлений милиций Ленинграда и области, городской и областной прокуратур, городского и областного судов послевоенного периода содержат материалы десятков уголовных дел о коррупционных группировках в торговле, кооперации, жилищной сфере, сельском хозяйстве, фининспекции и т. д. Однако любому расследованию деятельности хозяйственных руководителей, начиная с должностей председателя колхоза или артели, заведующего магазином или директора предприятия, приходилось преодолевать мощное противодействие со стороны партийно-государственного аппарата. Этому способствовал и особый порядок привлечения к ответственности представителей номенклатуры, введенный еще в 20-е гг. Согласно ему, вопрос о привлечении к уголовной ответственности руководящих работников, входящих в номенклатурные списки, требовал санкции партийного комитета, одобрявшего его назначение, либо вышестоящего партийного органа, руководителей соответствующего Министерства и ведомства³². Попытки правоохранительных органов обойти этот порядок немедленно пресекались. Когда в марте 1947 г. ОБХСС Управления Ленинградской городской милиции по делу о хищениях в Отделе рабочего снабжения завода № 283 Министерства авиационной промышленности арестовал без согласия Министерства, партийной организации и руководства Управления милиции заместителя директора завода по снабжению члена ВКП(б) Е. Скорохода, начальник ОБХСС Григорьев, давший такое указание, получил выговор³³.

Результатом стала ситуация, описанная В. Овечкиным в одном из своих очерков словами районного прокурора: «Не было разве таких случаев, когда совершил коммунист преступление, а вы, райком, не исключаете его из партии — строгий выговор ему с последним предупреждением... Конечно, нужно тщательно проверять поступившие на коммунистов материалы. Да, кстати сказать, как и на всякого гражданина... И сейчас нужно очень тщательно разбираться, где правда, где наговор. Но если уж точно установлено, что залез в государственный или колхозный карман — зачем же такого миловать? Один мерзавец, растратчик до чего дошел? Я завожу

на него дело, а он мне заявляет: «Значит, хотите меня в тюрьму упрятать? Неужели вам какие-то десять тысяч дороже хорошего коммуниста?»³⁴ Подобные случаи не были редкостью в послевоенный период и в Ленинграде, и области. Так, в марте 1949 г. работникам райотдела МВД Пашского района стало известно о злоупотреблениях председателя колхоза «Красный борец» С. Бегункова, который систематически присваивал деньги, полученные колхозом от частных лиц за выпас скота на колхозных полях, аренду колхозных лошадей и т. д., продавал колхозные корма (весной 1949 г. продал 5 тонн сена, присвоив за это 2400 руб. и т. д.). Однако райком партии отказался дать санкцию на привлечение председателя к уголовной ответственности, дело на него было закрыто. Уверившись в своей безнаказанности, Бегунков продолжил злоупотребления. Лишь в ноябре 1949 г., после того, как он вновь был уличен в присвоении денег от продажи трех коров, двух свиней, 1496 кг картофеля и 790 кг капусты, райком дал согласие прокуратуре на его арест³⁵. В марте 1948 г. правоохранные органы Тихвинского района установили, что председатель колхоза «Липкая горка» Долгоник присвоил 1,5 тыс. руб. казенных денег. Однако райком отказался дать санкцию на привлечение его к уголовной ответственности и, сняв Долгоника с должности председателя, перевел его на работу в Леспромхоз³⁶. В 1950 г. прокуратура Рошинского района уличила председателя колхоза Евстихеева (полковник в отставке, депутат облсовета) в том, что он купил себе дачу — дом по цене сруба, разбазарил колхозное имущество, продал 6 колхозных домов посторонним лицам и т. д. Прокурор района Харитонов передал материалы для рассмотрения вопроса о привлечении Евстихеева к судебной ответственности на рассмотрение бюро райкома ВКП(б). Однако представитель обкома и секретарь райкома Богданов выступили в защиту Евстихеева: «Вы должны искать преступников в другом месте, а Евстихеев не преступник, а человек, который пользуется авторитетом». В результате представление прокурора о привлечении Евстихеева к суду было отклонено. Председатель колхоза отделался выговором без занесения в личное дело³⁷. В ряде случаев правоохранным удавалось добиться осуждения подозреваемых, обратившись в вышестоящие партийные органы. Но и это помогало не всегда. В 1948 г. органы милиции выяснили, что председатель колхоза «Красный бережок» Еремин продал «налево» 1,5 тыс. пудов сена. Секретарь райкома отказался дать согласие на возбуждение против него уголовного преследования. Материалы были переданы в областную прокуратуру, которая обратилась в обком ВКП(б) и добилась разрешения на привлечение Еремина к ответственности. Дело было передано для расследования в прокуратуру района, где и было благополучно «закрыто», судя по материалам областной прокуратуры, под давлением секретаря райкома. Такая позиция местных партийных руководителей объяснялась различными мотивами. В ряде случаев это была, по-видимому, попытка защитить ценного работника, вынужденного в «интересах дела» нарушать некоторые правила. Однако гораздо чаще мотивация партийных чиновников имела личные причины — нежелание потерять «нужного» человека, решающего их проблемы, а то и самим оказаться в поле внимания карательных органов. Получить представление об этих мотивах может дать история, произошедшая

весной 1945 г. в Киришском районе Ленинградской области. Здесь районный прокурор Иванищев провел проверку распределения американской гуманитарной помощи, предназначенной для раздачи наиболее нуждающимся работникам районного леспромхоза. Как показали ее результаты, самыми остро нуждающимися лесорубами леспромхоза оказались его директор, парторг, другие служащие управленческого аппарата, а также председатель райисполкома, среди которых было распределено свыше 102 подарков. Прокурор сообщил результаты расследования в райком, который постановил виновных к ответственности не привлекать, а ограничиться выговором по партийной линии и возвращением подарков. Несколько удивленный подобным либерализмом, прокурор продолжил расследование и установил, что часть подарков вообще не дошла до леспромхоза, а была присвоена заместителем начальника отдела гособеспечения райисполкома Логиновым, ведавшим их распределением. Однако райком и здесь ограничился выговором. Когда же прокурор во второй раз уличил Логинова в хищении подарков, секретарь райкома категорически запретил Иванищеву заниматься этим делом. Принципиальный прокурор выяснил, что такое «добросердечное отношение» к преступнику объяснялось тем, что часть подарков ушла в семьи работников райкома. Иванищев обратился в областную прокуратуру, которая через обком ВКП(б) добилась привлечения Логинова к уголовной ответственности. Однако его партийные покровители остались безнаказанными, а прокурор Иванищев вскоре по инициативе райкома был снят с должности³⁸.

Сотрудники милиции и прокуратуры, вступившие в конфликт с высокопоставленными коррупционерами, должны были быть готовы к перспективе не только лишиться должности, но и самим попасть под суд. Так, прокурор Оятского района области Верёвкин, возбудивший уголовное дело о злоупотреблениях заведующего торговым отделом райисполкома Малышева, был обвинен секретарем райкома ВКП(б) в самоснабжении и изнасиловании в своем служебном кабинете свидетельницы по уголовному делу. Проверка, проведенная областной прокуратурой и райотделом НКГБ, показала, что все эти обвинения были сфальсифицированы не без участия некоторых районных руководителей (включая председателя райисполкома). Данный инцидент имел следующие последствия. Малышев предстал перед судом по обвинению в злоупотреблении служебным положением и был осужден на два года лишения свободы условно, другие фальсификаторы остались безнаказанными. Веревкин же получил выговор за упущения в работе и неумение наладить контакт с районным руководством³⁹.

Если в отношении местных хозяйственных руководителей, несмотря на противодействие, прокуратуре и милиции все-таки удавалось возбуждать уголовные дела по обвинению в должностных преступлениях и довести их до обвинительного приговора суда, то в отношении высокопоставленных хозяйственных работников городского и областного уровня и партийно-советских работников это было практически невозможно. Полученные на них компрометирующие материалы надлежало передавать в контролирующие партийные органы, которые принимали решение о наказании провинившихся. В ряде случаев (как в деле Легового и Мовсесянц) ули-

ченные в коррупции исключались из партии и снимались с работы. Но гораздо чаще взыскания ограничивались либо переводом на другую работу, либо выговором. Так, начальник областного коопторга Погребнюк в 1947 г. был снят с работы и исключен из ВКП(б) за покровительство преступникам, действовавшим в его организации, однако тут же получил новую руководящую работу в системе облпотребсоюза⁴⁰. В 1951 г. была снята с должности и помощник заместителя председателя горисполкома Бердникова, причастная к незаконной передаче колхозам Новгородской области нескольких грузовых автомашин, которые оказались в руках нелегальных дельцов. А вот председатель райисполкома Житнев, в 1948 г. уличенный сотрудниками ОБХСС в крупных злоупотреблениях, был освобожден от занимаемой должности и направлен на учебу в областную партийную школу⁴¹. Секретарь же Павловского райисполкома Семенов и заведующий районным дорожным отделом Лебедев, использовавшие для постройки своих домов лес, предназначенный для строительства деревянного моста, отделались воспитательной беседой на заседании облизполкома⁴². Чаще всего снятые с должностей и переведенные на новое место работы представители номенклатуры и там продолжали вести привычный им образ жизни, и по-прежнему воспринимали свои посты как место получения подпольных доходов. Так, снятый с работы за злоупотребления Е. Фишман, — заведующий транспортом артели «Пищепродукт», получив должность председателя Тосненского сельпо, и там не изменил образа своих действий. Он бесплатно брал для себя продукты, снабжал ими ряд районных чиновников. Когда инспектор промысловой кооперации выявил значительные злоупотребления в деятельности сельпо, его попытались подкупить, а после неудачи Фишман сфабриковал против одного из помощников ревизора обвинение в вымогательстве взятки⁴³.

Советские и партийные чиновники могли попасть под суд по коррупционным обвинениям только в случаях, когда их действия становились широко известны, или они становились жертвой очередной политической кампании. Так, в изученных архивных материалах за 1945–1948 гг. автору удалось выявить лишь один случай привлечения к уголовной ответственности представителя советской номенклатуры. Председатель райисполкома Райволовского района Слободкин наладил «бизнес» по продаже домов оставшихся от выселенных с этой территории финнов, и предназначенных для заселения переселенцев на Карельский перешеек. За определенные комиссионные он составлял акт о том, что дом полностью разрушен. После чего дом разбирался, покупался будущим домовладельцем как дрова и вывозился к месту жительства, где вновь собирался. Только с февраля по август 1946 г. Слободкин провернул более 50 подобных махинаций. Правоохранительные органы неоднократно сообщали руководству области о незаконных действиях Слободкина, однако реакция обкома и облизполкома ограничилась проведением с «проштрафившимся» подчиненным воспитательной беседой. Лишь только после того, как в «Ленинградской правде» 18 октября 1946 г. появилась заметка «Хищник и его покровители» о значительных злоупотреблениях в Райволовском районе, областные власти пошли на более решительные меры. Слободкин и его «правая рука», секретарь райисполкома Гричунко, лиши-

лись должностей, и материал на них был передан в прокуратуру. Секретарь райкома, который также был причастен к махинациям, отделался взысканием по партийной линии⁴⁴.

Гораздо более массовый характер привлечения номенклатурных работников к ответственности по обвинению в должностных нарушениях Ленинграда и области приобрели в 1949–1950 гг. после начала знаменитого «ленинградского дела». Так, решением только одного из бюро горкома ВКП(б) в августе 1949 г. «за злоупотребление служебным положением» были сняты с работы и исключены из партии 15 руководящих работников Ленгорисполкома⁴⁵. По обвинению в разбазаривании государственных средств и самоснабжении были осуждены практически все секретари райкомов и председатели райисполкомов Ленинграда⁴⁶. Многие рядовые работники правоохранительной системы Ленинграда первоначально восприняли разворачивающиеся события как кампанию по очищению партийно-государственного и хозяйственного аппарата от коррумпированных кадров. Вот как вспоминает о тех событиях В. Теребилов, в 1949 г. занимавший пост начальника следственного отдела прокуратуры Ленинграда. «Кажется, в марте 1949 года был снят с работы первый секретарь Ленинградского обкома партии П. С. Попков, обвиненный в антипартийной деятельности... Новый партийный руководитель, присланный из центра (В. Андрианов), немедленно приступил к чистке кадров, как он говорил “от охвостья бывшего антипартийного руководства”. Чрезмерная радикальность этих мер у нас в прокуратуре вызвала озабоченность, но должностных и хозяйственных нарушений было так много, что, казалось, наступившие события как-то даже облегчали организацию работы по борьбе с должностными преступлениями. Однако дальнейшее развитие событий становилось непредсказуемым и заставляло насторожиться.

Примерно в июне 1949 г. меня вызвал прокурор города А. Неганов. В его кабинете было два незнакомых человека в штатском... Вот что примерно сказал тогда прокурор города: “У нас в городе работает группа товарищей из центральных органов безопасности, возглавляет ее полковник Соколов (он показал на человека, стоящего рядом); им необходимо помочь, и ваша задача назвать для этого двух-трех человек из числа самых опытных следователей; этим следователям ежедневно будут называть несколько лиц, которых надо допросить по вопросам, сформулированным полковником Соколовым; каждый вечер, подчеркиваю, каждый вечер протоколы надо будет передавать здесь, в нашем здании представителю органов безопасности... Назовите таких следователей?”

Неожиданность поручения несколько выбила меня из колеи, и поэтому выжидательное молчание затянулось на 2–3 минуты. “Товарищи” терпеливо ждали, и я наконец назвал несколько фамилий. Неганов утвердил лишь одну из них — помощника прокурора К. ... Позже К. сказал мне, что он допрашивает главным образом руководителей, подозреваемых в должностных преступлениях. Так продолжалось несколько недель.

В начале августа стало известно об аресте второго секретаря обкома партии Я. Капустина. Узнав об этом, я доложил Неганову, что события принимают такой оборот, при котором нам

совершенно необходимо знать, по какому же делу ведет допросы К. На эту мою устную “ноту” тут же последовал недвусмысленный ответ: “Первое — не умничайте; второе — не вмешивайтесь в работу К.; третье — так будет лучше и для вас, и для меня”⁴⁷.

Прозрение наступило быстро. События в Ленинграде стали очередной политической кампанией сталинской эпохи. Обвинения в злоупотреблениях стали лишь поводом для устранения от власти старой ленинградской команды. В снабжении, сращивании с хозяйственными органами, должностных преступлениях обвинялись как действительно коррумпированные чиновники, так и лица, не причастные к злоупотреблениям. В частности, обвинения в отношении осужденных секретарей райкома и председателей райисполкома в период «оттепели» были признаны сфальсифицированными, а они сами реабилитированы⁴⁸.

Таким образом, изучение ленинградских архивов позволяет нам сделать вывод о том, что в послевоенный период коррупция в СССР приобрела системный характер. В нее в различных формах (самоснабжение, различного рода злоупотребления, взятки) была вовлечена значительная часть партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры. Это способствовало процессам перерождения социалистической экономики и превращению коррупции в неотъемлемый элемент советской хозяйственной системы. Борьба с этими явлениями скорее декларировалась, чем велась на самом деле, а антикоррупционные кампании, провозглашенные властью, несли политический подтекст и использовались для расправы с политическими оппонентами. Ярким примером такого подхода является «ленинградское дело», как и ряд других дел регионального уровня на рубеже 40–50-х гг. («менгфельское», «московское» и другие). Их возникновение стало следствием политики И. Сталина, направленной на ослабление региональных номенклатурных групп и разрушение их «неофициальных» (в том числе и коррупционных) связей. Сталин, безусловно, понимал, что усиление региональной номенклатуры в годы войны может привести к ослаблению власти центра и усилению коррупции. Однако попытка исправить эти негативные факторы превратилась, в соответствии с внутренней логикой сталинского режима, в массовые политические репрессии и шумные кампании, которые не затрагивали основу номенклатурной коррупции — систему власти и распределения благ в советском обществе.

---

¹ См., например: *Говоров И. В.* «Товарищ взятка»: взяточничество в жизни послевоенного Ленинграда // Новейшая история России: время, события, люди: Сб. статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева) / Под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2010 С. 349–361.

² Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 474.

³ *Хайнцен Дж.* Коррупция в ГУЛАГе: дилеммы чиновников и узников // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. С. 158.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 33. Д. 85. Л. 41–45.

- ⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб). Ф. 24. Оп. 21. Д. 23а. Л. 24.
- ⁶ Ленинградский областной архив в г. Выборге (далее — ЛОГАВ.) Ф. Р-3824. Оп. 3. Д. 92. Л. 40.
- ⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5. Л. 59, 65; Д. 18. Л. 24.
- ⁸ Москва послевоенная. 1945–1947 гг. М., 2000. С. 466.
- ⁹ ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 3. Д. 92. Л. 131.
- ¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 494. Л. 62.
- ¹¹ Там же. Д. 275. Л. 152.
- ¹² Там же. Л. 28–29.
- ¹³ Там же. Л. 12.
- ¹⁴ Там же. Л. 32–33.
- ¹⁵ Там же. Л. 11, 61.
- ¹⁶ См., например: Ленинградская правда. 1946. 5 октября; 16 ноября; 1947. 2 июня; Вечерний Ленинград. 1946. 15 сентября; 1947. 4 апреля; 25 августа; и др.
- ¹⁷ *Овечкин В. В.* Районные будни // Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1989. С. 78.
- ¹⁸ *Эвельсон Э.* Судебные процессы по экономическим делам в СССР. Лондон, 1986. С. 22.
- ¹⁹ Ленинградская правда. 1953. 15 августа.
- ²⁰ Там же. 1946. 22 сентября.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 214. Л. 10.
- ²² Вечерний Ленинград. 1950. 31 марта.
- ²³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 29. Д. 16. Л. 10.
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 423. Л. 5.
- ²⁵ *Твердюкова Е. Д.* «Преступление без жертв»: Уголовно-правовая охрана советской торговли (на материалах довоенного Ленинграда). СПб., 2010. С. 172.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 275. Л. 34–35.
- ²⁷ Ленинградская правда. 1953. 10 мая.
- ²⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 304. Л. 44.
- ²⁹ Ленинградская правда. 1953. 12 июня.
- ³⁰ Там же. 1947. 26 марта.
- ³¹ *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» М., 2008. С. 296–298.
- ³² *Епихин А. Ю., Мозохин О. Б.* ВЧК–ОГПУ борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007. С. 108–109.
- ³³ Отдел специальных фондов информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО.) Ф. 1. Оп. 1. Д. 131. Л. 201.
- ³⁴ *Овечкин В.* Районные будни. С. 152.
- ³⁵ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 214. Л. 4.
- ³⁶ ЛОГАВ. Ф. Р-3824. Оп. 3. Д. 113. Л. 21.
- ³⁷ Там же. Д. 124. Л. 151; Д. 142. Л. 116.
- ³⁸ Там же. Д. 53. Л. 96.
- ³⁹ Там же. Л. 54.
- ⁴⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 23. Д. 11. Л. 24–25.
- ⁴¹ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 23 а. Л. 50.
- ⁴² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 102. Л. 22–23.

⁴³ Там же. Оп. 53. Д. 167. Л. 227–228.

⁴⁴ Там же. Оп. 33. Д. 94. Л. 132–133.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 275. Л. 10–12.

⁴⁶ *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Неизвестная Фемида. Документы, события, люди. М., 2003. С. 333.

⁴⁷ *Теребилов В. И.* Записки юриста. М., 2003. С. 60–62.

⁴⁸ Ленинградское дело. Л., 1990. С. 273–281, 375–385.